

ЗИНАИДА ГИППИУС

МАКОВ ЦВЕТ

Зинаида Гиппиус

Маков цвет

«Public Domain»

1907

Гиппиус З. Н.

Маков цвет / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1907

«Действие происходит в Петербурге, в квартире Мотовиловых. Столовая в доме Мотовиловых. Арсений Ильич и Наталья Петровна кончают поздний обед. На столе канделябр со свечами. Фима убирает посуду. Входит Евдокимовна...»

© Гиппиус З. Н., 1907

© Public Domain, 1907

Содержание

Действие первое	6
Действие второе	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Зинаида Гиппиус
Маков цвет¹
Драма в четырех действиях

В голубые, священные дни
Распускаются красные маки.
Здесь и там лепестки их – огни
Подают нам тревожные знаки.

Скоро солнце взойдет.
Посмотрите
Зори красные.
Выносите
Стяги ясные.
Выходите
Вперед,
Девицы красные.

Красным полымем всходит Любовь.
Цвет Любви на земле одинаков.
Да прольется горячая кровь
Лепестками разбрызганных маков

Действие первое

18 октября 1905 года

Действующие лица:

Арсений Ильич Мотовилов, профессор-филолог, под 60, худой, болезненный, нервный, не без благородства.

Наталья Петровна, жена его, тихая, скорей полная, несуетлива, проста.

Анна Арсеньевна Бунина, лет 36, увядшая, восторженная, всегда в волнении, вдова.

Соня, бледная, худенькая, нервная девушка лет 25.

Андрей, студент, обыкновенное молодое лицо.

Петр Петрович Львов, генерал-лейтенант, брат Натальи Петровны, добродушен, без военной выправки.

Иосиф Иосифович Бланк, еврей, молод, но не юноша, говорит без акцента.

Евдокимовна, старуха нянька, готовит и заведует хозяйством.

Фима, молоденькая деревенская горничная.

Действие происходит в Петербурге, в квартире Мотовиловых.

Столовая в доме Мотовиловых. Арсений Ильич и Наталья Петровна кончают поздний обед. На столе канделябр со свечами. Фима убирает посуду. Входит Евдокимовна.

Явление первое

Арсений Ильич, Наталья Петровна, Фима, Евдокимовна. Во время первого явления Фима то входит, то уходит.

Евдокимовна. Кофей прикажете подать?

Наталья Петровна. Кофе? Нет, няня, подавай лучше прямо самовар. Уже поздно. Подойдут, так чаю сразу напьются.

Евдокимовна. Слава Богу, девятый час. Сонюшка хоть позавтракавши убежала, а вот Андрей-то Арсеньич с самого что ни на есть утра ни чаю не выпил, ничто. Фимка в булочную только побежала, а он, гляжу, через кухню, уже в пальте, и готово дело. Куда? Что? Хоть бы чаю-то выпил. А теперь и не пообедавши.

Наталья Петровна. Ну, он часто к обеду не приходит. С чаем закусит чего-нибудь.

Евдокимовна. А тут Фимка из булочной бежит: флаги, говорит, везде навешивают по улицам, и спокойствия нет, а дворники между собою гурчат. А из окна-то выглянула – действительно, правда, флаги! Что такое, почему? Ясное дело, потому что – бунт.

Наталья Петровна. Да ведь говорили тебе, няня, что флаги по случаю манифеста. Манифест вышел о свободе. Никакого бунта нет.

Евдокимовна (*ехидно*). Нету! То-то оно и видно, что нету! Лавки, это, позабиты, куру и то Христом Богом у Иван Федотыча, с ворот ходила, выпросила, а свечей нет и нет, и лампы, как не горели, так и не горят. Уж коли бы манифест, так лампы-то первым бы делом зажглись! А вы хоть на улицу извольте взглянуть: тьма-тьмушая. Ясное дело: бунтуют. Тьфу! Чтоб им на свою голову!

Наталья Петровна. Ты самовар-то неси. Поставлен он у тебя?

Евдокимовна. Вот еще, спасибо, вода есть сегодня. А с завтрашнего дня, мне сам старший говорил, опасайтесь, говорит, очень и очень, потому что по всем видимостям будет и забастовка воды.

Арсений Ильич. Да брось ты болтать, Евдокимовна. Говорят тебе, манифест. Что они просили – дали, и теперь забастовки прекратятся.

Евдокимовна (*всплескивая руками*). Дали? Это еще, как свет стоит, не бывало, чтоб бунтовщикам дали бунтовать! Нате, мол, пожалуйста!

Фима (*вносит самовар*). Дарья Евдокимовна, а поглядите! Кажись, воду в кухне заперли!

Евдокимовна. Вот оно! Вон он манифест-то! (*Фиме.*) А ты то же! заперли, заперли! Дверь-то лучше запирай. На лестнице, на черной, тростишь с разными личностями. Больно бойка стала, бунтовщица!

Фима (*обижается*). Да что это, право, Дарья Евдокимовна, словами ругаетесь. С которых это пор бунтовщица да бунтовщица! Я и сама их смерть боюсь. Звали позавчера прислугу в двадцать четвертый номер, митинка, что ли, какая-то, разговоры, мол, будут...

Евдокимовна (*перебивая*). Ну да, чтоб против подняться...

Фима. Так пошла я, что ли? Ну их совсем и с митинкой, страсть и страсть. (*Уходит.*)

Явление второе

Те же без Фимы.

Евдокимовна. Небось, допрыгаются. Нонче, как уж сильно-то взбунтовало их, так Иван Корнеич говорил – на Загородном столько понабили, сам он едва в ворота спрятался. Не более как два часа назад и пришел.

Наталья Петровна (*взволнованно*). Да ну, няня, можно ли такие пустяки? Опять тебе кто-то вздору наговорил. Ничего этого не было. Вон звонят. Верно, Соня.

Евдокимовна. И то. Кабы дал Бог Сонюшка. У меня нынче, как вздумаю о Сонюшке, так ноги и подгибаются. Так и подгибаются. И чего глядеть? Кофточку коротенькую надела – побежала. (*Уходя.*) А уж насчет Загородного – это как угодно. Это Иван Корнеич собственными глазами видел. Врать не будет.

Явление третье

Наталья Петровна, Арсений Ильич.

Наталья Петровна. Правда, хоть бы Соня. Евдокимовна вечно со своими ужасами. И знаешь, что половину навьдумывает, и все же как-то спокойно.

Входит Петр Петрович в походной форме, за ним Евдокимовна.

Явление четвертое

Арсений Ильич, Наталья Петровна, генерал, Евдокимовна.

Наталья Петровна. Пьерушка! Ты как попал?

Генерал. Евдокимовна, рюмку водки генералу и закуски какой-нибудь. Живо.

Евдокимовна. Сейчас, сейчас, батюшка! (*Достает из буфета водку и закуску.*)

Генерал. Объезжал свой район. Был рядом в манеже. Вот и зашел. Два дня не виделись.

Арсений Ильич. Ну рассказывай, что знаешь. Ведь мы сидим, никого не видим.

Евдокимовна (*держит поднос с закуской*). Кушайте на здоровье.

Генерал. Да что тут рассказывать! Никто ничего толком не знает. Вчера стреляли, а сегодня прячься, пусть красные флаги гуляют! Да и сегодня стреляли.

Наталья Петровна. Как сегодня? Так правда стреляли?

Генерал. Да, у Технологического.

Евдокимовна. Говорила я вам, барыня, старой дурой обозвали. (*Уходит.*)

Явление пятое

Те же без Евдокимовны.

Арсений Ильич. Чепуха какая-то. Ничего не разберешь.

Генерал. Ну, а дети что?

Арсений Ильич. Анюта у нас все суетится. С детьми одной ей не справиться. Мальчишки взбунтовались. У Васи револьвер нашли. Черт знает что!

Генерал. Ну, а невеста?

Наталья Петровна. Да вот пропала. И она, и Андрей. Ждали обедать – не пришли. Соня-то радостная была сегодня, а за Андрея тревожно. Подумай, Пьерушка, давно ли он со своей университетской «Денницей» возился, декадентские стихи писал... А теперь... Тяжело теперь с детьми. Что я могу дать им? Только молюсь за них, можно сказать, ежечасно. Уж скорей бы Бог помог Сонину свадьбу сыграть. Измучились они оба, и Соня и Борис.

Генерал. Свадьба, свадьба! Я до сих пор с проклятой консисторией разделаться не могу. Прежде проще было, по тарифу. А теперь бессребрениками стали, опасаются. Да и некогда мне. Как собаку гоняют.

Арсений Ильич. А Борис что же не хлопочет?

Генерал. Да где ему? Дни и ночи в охране. Вчера я взял да и хватил письмо владыке. Ведь он уже с месяц, как обещал мне разрешение дать, а вот ничего.

Наталья Петровна. А что Боря, как? Бодрый?

Генерал. Вот ты, Наташа, про Андрея говорила. А Боря? Помнишь, как на войну отправляли? Все бросил, полетел. Вот и война прошла. Вернулся, и еще женихом. А точно война-то эта его и подкосила.

Наталья Петровна. Ну, не подкосила, а задумчивый он какой-то стал. Я это и на Соне замечая. Господи, да что же тут удивительного? Вместе ведь они с Соней Мукден этот пережили. Я и теперь, как вспомню Сонины рассказы, просто дрожь и ужас. До чего только люди могли дойти.

Арсений Ильич. Решительно не везет Соне с Борисом. Уж, кажется, заслужила счастье. (*Улыбаясь.*) Героиня ведь она у нас. Как мы боялись за нее – да не удерживать же насильно. Уехала, образцовая, говорят, сестра милосердия была. Удивительная у женщин устойчивость нервов. Но, однако, и довольно бы, имеет, кажется, право о себе подумать.

Наталья Петровна. До поста-то все равно не успеть. А уж в январе непременно надо бы.

Арсений Ильич. Андрей нас очень беспокоит. Как только забастовка кончится, хотим его за границу отправить. Нечего ему здесь делать.

Наталья Петровна. Да, долго ли до беды. Он все время как в лихорадке. Может быть, там, в нормальной обстановке, хоть немного успокоится.

Арсений Ильич. С ним сладу нет. Ни он нас, ни мы его не понимаем. Я какого-нибудь Бланка в тысячу раз больше понимаю. Ну, социал-демократ и социал-демократ. Тут хоть своя научность есть. А чего Андрей хочет – неизвестно. Не то романтизм, не то хулиганство.

Генерал. Что уж это ты. Только брюзжишь. Парень он у вас хороший. (*Пауза.*)

Наталья Петровна. Господи, как в этой темноте тоскливо. Когда же они забастовку кончат?

Входит Анна Арсеньевна. За нею Евдокимовна.

Явление шестое

Те же и Анна Арсеньевна с Евдокимовной.

Евдокимовна. Уж нельзя же без этого. Не ровен час. И с крюком-то и то нет никакого спокойствия. Придут шайкой и сорвут, очень просто.

Наталья Петровна. Это ты, Аня? А мы думали, или Соня, или Андрей.

Анна Арсеньевна. Что, пропали? Няня уж жаловалась. Дядя Петя, здравствуйте. Ну, с вами нигде не страшно. А вы представьте только, Евдокимовна меня впускать не хотела. Кричала, окликала, а потом, как начала болты отмыкать... Давно это вы так запирались стали?

Арсений Ильич. Это все Евдокимовна. Крепость устроила.

Евдокимовна. Они нынче сквозь швейцара проходят. Что швейцар может сделать? Ничего им швейцар не может сделать. А крюк хоть и сорвут, так все не сразу.

Анна Арсеньевна. Пожалуй, и нам лучше крюк прибить? У нас швейцар такой глупый. Вялый какой-то и глупый. И вообще...

Наталья Петровна. Да пустяки, Аня. Евдокимовна уже известная у нас. Какие там шайки будут ходить.

Арсений Ильич. И главное, две недели все болтала. А сегодня утром слышу стук, привела дворников и действительно навесила. Ради манифеста. Ей тут объявляют неприкосновенность личности, а она крюк.

Евдокимовна (*сердито*). Вот ладно. Теперь смеетесь, а как придут эти самые личности, так еще поблагодарите Евдокимовну-то за крюк. (*Уходит.*)

Явление седьмое

Те же без Евдокимовны.

Анна Арсеньевна. Нет, право, мне как-то с нашим замком беспокойно стало. И швейцар невероятно, невероятно вялый. И вообще... Что же Соня-то у вас? Давно, что ли, ушла? На демонстрацию? Ах, эти демонстрации. Что я пережила, вот и вчера, и третьего дня, а сегодня...

Наталья Петровна (*беспокойно*). Сегодня? Ты была где-нибудь?

Анна Арсеньевна. Нигде я, решительно нигде не была, а это все Шура. Взяла с него честное слово, что дома останется. И вся дрожу, потому что Вася тоже дома. Непременно они опять передерутся. И все из-за убеждений. И вообще...

Арсений Ильич. По четырнадцать лет мальчишкам – с убеждениями их не справишься.

Анна Арсеньевна. И откуда? Что такое? Близнецы, вместе росли, в одной гимназии учились – и вдруг... видеть друг друга не могут. Оба крайние. Представить только! Шура революционер, а Вася монархист. Ужас, ужас. Я уже решила, за границу их увезу, в Англию. Это мой долг. И вообще...

Генерал. Ну и долг материнский нынче! Из сыновей англичан делать.

Анна Арсеньевна. А вы злой, дядя, злой. Вам что? У вас все отлично устраивается. Боря отличный, женится в своей же семье, на такой девушке, как Соня... не революционер... Вам только радоваться на детей, и вообще... Мне и самой на Соню с Борисом глядеть приятно. Так любят друг друга!

Арсений Ильич. Глядеть-то не на что пока. И Борис давно не заезжал, да и Сони все нет. То одна, то с Андреем уходит.

Наталья Петровна. Вот она. Слава Богу.

Явление восьмое

Те же и Соня с Бланком.

Соня. Ну, что? Беспокоились? А я по улицам ходила. Сначала одна, а на Казанской площади Иосифа Иосифовича увидела. Ораторствовал. Меня даже не узнал. Властвовал над толпой. Где уж тут мелкую букашку приметить. А что, Андрея нет?

Наталья Петровна. Все еще нет. Боюсь я за него.

Соня. Ничего, мамочка, придет. Уж не знаю, что дальше будет, а сегодня хорошо. И погода-то какая была. Первый светлый день. Радостно. Просто не верится. Целый лес красных знамен, и никаких войск. Городовые знаменам честь отдают.

Евдокимовна. Знаем честь-то эту. На Загородном-то отдали. Палили-палили.

Соня. Ах, няня. Не скули. Дядя, ну, а Боря что, здоров? До университета было не добраться. На балконе ораторы, флаги висят...

Генерал. Боря все в охране.

Бланк. А кто-то ухитрился влезть на крышу и привязать красный флаг к самому кресту.

Наталья Петровна. Как, к кресту?

Соня. Устала я очень, а то еще бы ходила. Кажется, мимо нас скоро пойдут. В преддверии. Хотят политических освободить. Хороший день.

Наталья Петровна. А мне на тебя смотреть весело, Соня, милая. Ты сегодня одна из нас всех простая, светлая. Я девочкой пережила такой день. Девятнадцатое февраля. Помнишь, Пьерушка?

Генерал. Ну, много мы понимали тогда, что делалось.

Наталья Петровна. Праздник-то чувствовали. Святость какую-то. Теперь я старуха, а этот святой день никогда не забуду. Вот и нынче день святой, день свободы, а на душе как-то тяжело. Город темный, мертвый, тут стреляют, там стреляют. Страшно.

Бланк. Да, радоваться-то еще рано.

Арсений Ильич. Ну, перестаньте каркать. Я, по крайней мере, радуюсь.

Наталья Петровна. Евдокимовна, вели самовар разогреть. Иосиф Иосифович, Соня, проголодались?

Арсений Ильич. Всего вам, Бланк, мало. До чего вы все нежизненны и утопичны.

Бланк. Да я вовсе вам не мешаю радоваться. Радоваться никогда не вредно. И день что ж? День свое значение имеет.

Генерал. Ну-с, я иду. Пора. Заморил червячка. Ведь мне сегодня и пообедать не дали.

Соня. Прощайте, дядечка. Борю поцелуйте.

Генерал. Вот даст Бог, забастовка проклятая кончится, так посвободней ему будет, прибежит.

Наталья Петровна. Господь с тобой, Пьерушка, не забывай нас. *(Идет с генералом в переднюю.)*

Явление девятое

Арсений Ильич, Анна Арсеньевна, Бланк и Соня.

Бланк. А мне сдается, Софья Арсеньевна, жениха-то не так скоро увидите. Забастовка еще не так скоро кончится. Час не пробил. Рано еще пролетариату руки складывать.

Арсений Ильич *(неспокойно)*. Скажите пожалуйста! Рано! Чего же еще! Ну, до манифеста я еще понимал, я, так сказать, допускал все эти забастовки, но, позвольте, какой же смысл теперь? Уже не говоря о том, что я в принципе враг всякого насилия, откуда бы оно ни исходило... А забастовка...

Бланк. В принципе вы ее не допускаете никогда, а на практике – до манифеста. Так?

Арсений Ильич. Да, да и да. Вы отлично понимаете, что я хочу сказать. А я отлично понимаю, что вы все нас толкаете, так сказать, в анархию.

Бланк. А при чем тут анархия? А что вам, как всей буржуазии, многого не нужно – это правда. Пролетариат вытащил вам каштаны из огня – а теперь пусть идет в старую дырку. Ну, да не на таковских напали...

Анна Арсеньевна. Опять ссоры и споры! Как эта политика надоела!

Соня. Знаешь, Аня, я прежде сама так думала. А вот на войне увидела, что значит политика, когда из-за этой самой политики люди зря умирали.

Входит Наталья Петровна.

Явление десятое

Те же, Наталья Петровна и Евдокимовна.

Наталья Петровна. А Андрея-то все нет и нет.

Анна Арсеньевна. Как хотите, я иду. Домой надо. Что-то мои буяны делают; и вообще...

Наталья Петровна. Иосиф Иосифович, он вам ничего не говорил? Вы не знаете, что он сегодня делает?

Бланк. Решительно ничего не знаю. Я его со вчерашнего дня не видел. Мне самому его нужно видеть до зарезу.

Арсений Ильич. Мыс женой думаем Андрея за границу отправить. Что вы на это скажете, Иосиф Иосифович?

Бланк. Отлично сделаете. Уж очень он запсихопатил.

Арсений Ильич. У него есть способности. Ну, если его социальный вопрос так занимает, пусть поедет на Запад поучиться. Здесь он допрыгается до чего-нибудь. И как это вы все понять не хотите, что без науки двинуться никуда нельзя. Молодежи прежде всего учиться надо. Ведь если такое положение дел продлится еще несколько лет, Россия станет прямо варварской страной. Теперь всякий гимназист вместо экзаменов политикой занимается. Политика – дело людей взрослых...

Бланк. Так чем молодежь-то виновата, что взрослые сложа руки сидят? Ну, да не в этом дело. А насчет Андрея я с вами согласен. Он легко может зря погибнуть. Без всякой пользы для дела. В нем сидит неискоренимый декадент-романтик. Революционство старого пошиба. Чисто русская черта. Никакой выдержки. Все хотят сразу, усилием героев. Какой-то обратный аристократизм. Теперь дело не за героями, а за массами. Выдержка нужна, дисциплина, повседневная черная работа. Андрей все-таки, в конце концов, барчук и романтик.

Соня. Сложно все это. Мне трудно разобраться. А только Андрея я понимаю. Без порыва, без веры в себя ничего не сделаешь. Себя потеряешь – начнутся будни, серые будни. Андрей – человек праздничный. Да и вся Россия из будней теперь вышла.

Арсений Ильич. Нет, Бланк прав. У Андрея революционный угар, запой, когда человек не владеет собой, сам не знает, чего хочет.

Соня. Ах, папа, папа. Пускай он хочет того, чего нет на свете. Ведь в этом-то и святость человека, вся его внутренняя правда.

Бланк. Красиво, Софья Арсеньевна, только силы в этой красоте мало. Гораздо легче совершить геройский поступок, чтоб весь мир ахнул, пожертвовать собой и погибнуть, чем исподволь, изо дня в день, с горечью во рту добиваться далекой цели. Русские умирать умеют, а жить... жить еще не умеют. Вы можете действовать только в опьянении. Андрей или на баррикады пойдет, или впадет в тупое равнодушие. Середины нет.

Соня. Да не вынесет русская душа никакой середины.

Бланк. Ну вот, ну вот. Я ж это и говорю. А вся история-то, может быть, и есть середина. Равнодействующая.

Входит Андрей.

Явление одиннадцатое

Те же и Андрей.

Соня. Андрей! Смотрите, мама, вот он. Мы и звонка не слышали.

Евдокимовна. Да это он по черному ходу. Батюшки святители! Кто им отворил-то?

Андрей. Никто не открывал. Там отперто.

Евдокимовна. Фимка-то, Фимка-то где? Господи, батюшки, в гроб с этой девкой сойти! Ну уж я ее, уж я ее со дна морского выищу!

Наталья Петровна. Постой, няня, погоди. Дай лучше Андрею Арсеньевичу поесть чего-нибудь. Ты ведь закусишь, Андрей?

Андрей (*садясь за стол*). Да, я проголодался.

Анна Арсеньевна. Ну, слава Богу. Нашлось нещечко. Теперь я иду.

Андрей (*Бланку*). Ты здесь. Мне тебя надо.

Бланк. И мне тебя. Зайди ко мне завтра утром.

Андрей. Да ты что, уходишь? Посиди немножко.

Бланк. Нет, пойду. А мы тут тебя ругали. Романтик ты, и больше ничего.

Андрей. Ну, знаем мы это. Старая песня. Надоело.

Бланк. Опять в психопатии?

Андрей. Нисколько не в психопатии, а только от твоей «благоразумной разумности» у меня душу воротит. Бланк. Эх ты, юнец!

Анна Арсеньевна (*Бланку*). Вы к Невскому? Пойдемте вместе. Ну, прощайте, до свидания. Прощай, Евдокимовна.

Евдокимовна. Прощай, матушка. А с детками-то ты поостроже.

Уходят, разговаривая. Нынче пошла мода родителей ни во что не ставить...

Явление двенадцатое

Те же без Бланка, Анны Арсеньевны и Евдокимовны.

Соня (*кричит ей вслед*). Анюта, я к тебе завтра зайду. (*Андрею.*) А я, Андрей, тоже только что вернулась. Думала и тебя где-нибудь встретить.

Андрей. Я на улицах не был.

Арсений Ильич. Не был? А вот Соня говорит, что именно улицы сегодня представляют собой необычайное зрелище. Андрей. Да? Не знаю.

Арсений Ильич. Что ж, ты не признаешь манифеста? Я только что говорил, что я лично враг всякого насилия, откуда бы оно ни исходило, но за этот день я готов простить...

Андрей. Ах, папа, бросьте эту риторику.

Наталья Петровна. Все-то ты, Андрюша, сердишься. Укроти свое сердце.

Андрей. Да не сержусь я вовсе. Только мне, право, сейчас не до папиных сентиментальностей.

Наталья Петровна (*целует его*). Мальчик мой ненаглядный. Милый ты мой сыник. (*Опять целует.*) Мы на то и старики, чтоб быть сентиментальными.

Арсений Ильич. Не понимаю я тебя, Андрей...

Андрей. Да что я вам дался? Оставьте меня в покое.

Арсений Ильич. Ну, этот тон ты брось. С отцом разговариваешь...

Андрей. При чем тут отец? Ведь не о семейных делах говорим.

Соня. Ну, Андрей, довольно.

Андрей. Слушаюсь, Софья Арсеньевна. Так вы, значит, наслаждались необыкновенным зрелищем? Что ж? Может быть, жениха где-нибудь встретили? На коне гарцевал? Впрочем, что я говорю, ведь они сегодня в подворотню спрятались, герои порт-артурские.

Соня. Андрей! Это гадко, что ты говоришь. Гадкая злоба.

Арсений Ильич. Андрей, я тебе запрещаю говорить в таком тоне.

Соня. Ничего, папа. Пусть, пусть...

Андрей. Оскорбленная добродетель? Да я ведь ничего...

Наталья Петровна. Ты, Андрюша, отлично знаешь Бориса. Знаешь, какой он человек. К чему издеваться? Соню хоть пожалей.

Арсений Ильич. Бестактность какая.

Соня. Да оставьте. Не нужно мне его жалости. Я и без Андрея знаю все, что мне нужно знать.

Андрей. Уж будто бы? Так все отлично знаешь? А полковой дамой будешь, меня на журфикс позови. Все-таки лестно.

Арсений Ильич. Да замолчишь ты когда-нибудь?

Соня (*серьезно*). Андрей, я не признаю за тобой права судить Бориса. У тебя этого права еще нет. Твою грубость я тебе прощаю, хотя ты мне больно сделал, очень... А права судить, кто в чем виноват, у тебя все-таки нет.

Андрей. Ну да, ну да, никто не виноват. Нет виноватых... Знаем мы это...

Явление тринадцатое

Те же и Евдокимовна.

Евдокимовна (*торопливо вбегая*). Слышите, гул-то какой? По нашей улице так и катнуло их. Силища народу! Песни свои эти орут и прямо на Шпалерную, к тюрьме. От окон-то подальше извольте, не ровен час.

Наталья Петровна. Кто? Где? Что ты, няня?

Соня. Нет, правда. Слышите? Это, должно быть, идут на Шпалерную. Это ничего, няня, не бойся...

Арсений Ильич. Да откуда они, с Невского?

Все, кроме Андрея, встают с места, Соня идет к окнам.

Евдокимовна. Матушка, Соношюшка, да к окнам-то не подходите. Ведь запалят. Ведь бунтовщики это идут!

Соня открывает окно. В комнату врывается растущий гул, как бы далекие крики или пение и топот. Стука колес не слышно. Последующий разговор заглушён нарастившим гулом. Когда он усиливается, за окнами мелькают красные огни.

Арсений Ильич. Действительно... Это очень интересно... Надо только пальто накинуть... (*Выходит.*)

Явление четырнадцатое

Евдокимовна. Батюшки, барин, да ведь силища прет. Да прикажите вы Софье Арсеньевне окно-то закрыть. Сами простудитесь и квартиру настудите.

Соня. Молчи ты, ради Бога. Мама, накиньте плед. (*Подает.*) Отлично все будет видно. Слышите? Вон уже мальчишки бегут. Андрей, что же ты сидишь? Отвори другое окно... Оттуда маме виднее.

Андрей медленно встает и открывает второе окно, затем отходит. Гул усиливается. Входит Арсений Ильич в шубе и идет ко второму окну, где Наталья Петровна. Андрей стоит немного позади.

Явление пятнадцатое

Евдокимовна. Безобразие какое! Окна еще раскрыли. Бунт страшный, а тут глядеть. Да ведь разве же допустят? Да ведь тут как налетят казаки, так ведь тут такое пойдет! Софья Арсеньевна!

Соня (*оборачивается*). Ах, няня, иди лучше сюда. Иди сюда. (*Берет ее за плечи и почти насильно тянет к окну.*) Ну, гляди, никто на них не налетает, потому что вовсе они не бунтовщики. Всем свободу дали.

Евдокимовна. Это свободу-то... Эдакой толпой... по улицам... тюрьму ломать? Никогда этого не будет, пока свет стоит, чтоб свободу давали. Угмонят.

Соня. Ворчи сколько хочешь, а вот дали.

Гул усиливается.

Евдокимовна. Господи! Флаги-то, флаги, словно мачты. Черные! Страсти Господни. Черные-пречерные.

Соня. Да какие там черные, разве не видишь – красные.

Гул слегка затихает.

Андрей (*задумавшись, как бы про себя*).

В голубые, священные дни
Распускаются красные маки...

Соня (*оборачивается*). Что?

Андрей. Ничего.

Помолчав, продолжает.

...Здесь и там лепестки их – огни
Подают нам тревожные знаки.

Евдокимовна. Ой, и то красные! Ой страсти, страсти!

Гул затихает.

Соня. Ну что, налетели солдаты? Мама!

Оборачивается ко второму окну, но Арсений Ильич и Наталья Петровна не слышат. Андрей, стоявший поодаль, взглядывает на нее молча.

Андрюша, ты видел? Посмотри, кажется, другая толпа идет? Нет?

Андрей (*отходит к столу*). Брось любоваться, это не спектакль...

Соня. Ах, Андрей... (*К няне.*) Няня, что с тобой? чего ты?

Евдокимовна (*заливаясь слезами, махая руками, причитает*). Победили они окаянные, звери-супостаты! Кончилось житье православное. Отступил Господь, отступил – попустил, предал нас на посмеяние! Не заживать бы мне, старой, чужого века, не доживать бы до проклятого дня!

Наталья Петровна (*отходя от окна, которое закрывает Арсений Ильич*). Няня, няня, что ты? Как тебе не грех, сумасшедшая ты!

Евдокимовна (*не слушая*). Пропали головушки наши!

Соня. Пойдем, няня, успокойся. (*Уходят.*)

Явление шестнадцатое

Те же без Сони и Евдокимовны.

Арсений Ильич (*снимая шубу*). Давно бы ее увести, эту дуру старую. Пойдет теперь причитать. Какая-то органическая, так сказать, черносотенка. Нет, а зрелище в самом деле грандиозное. Что может быть отраднее этого молодого энтузиазма?

Андрей. Какие ужасные вы вещи говорите, папа.

Арсений Ильич. Отчего ужасные?

Андрей. А то, что мне было стыдно за вас. Этот вовсе не зрелище для развлечения буржуа. Вы не понимаете, что это гнусность – любоваться из окна красными флагами. Ведь красны-то они от крови. Манифестанты эти, не дойдя до Шпалерной, могут быть расстреляны, и тогда не только флаги – мостовая будет красная.

Входит Соня.

Явление семнадцатое

Те же и Соня.

Наталья Петровна. Ну что старая?

Соня. Ничего, успокоилась немножко.

Арсений Ильич. Андрей, нельзя быть в постоянной истерике. Что с тобой делается? Не беспокойся, не тронут их.

Андрей. Ну, бросим, пожалуйста. Не до споров и разговоров. Вот что, я уйду.

Наталья Петровна. Куда ты?

Андрей. Я переезжаю к одному товарищу, а там при первой возможности уеду в Москву.

Арсений Ильич. Зачем?

Андрей. По делу. Да я через несколько времени вернусь.

Соня. Андрей, зачем ты виляешь? Ты мне вчера иначе говорил.

Наталья Петровна. Что он тебе говорил?

Соня. Говорил, что он от нас хочет совсем уйти, что мы ему мешаем.

Андрей. Соня вечно преувеличивает. Если бы я знал, что она подымет крик...

Соня. Нисколько не крик, а я нахожу, что если ты мне говорил, то должен сказать и всем.

Арсений Ильич. Андрей, что такое? Не понимаю...

Андрей. Да ничего. Я действительно сказал Соне, что совместная жизнь с некоторого времени для меня лично сделалась неудобной и я, может быть, предпочту для большей свободы взаимных отношений...

Наталья Петровна. Ты хочешь отдельно поселиться, Андрюша?

Арсений Ильич. Нет, я все-таки ничего не понимаю. Потрудитесь сказать толком. Это чрезвычайно интересно. Какие же твои планы?

Андрей (*с раздражением*). Интересно или нет, но больше того, что я сказал, мне говорить нечего. Это мое личное дело.

Соня. И все-таки сердиться незачем.

Арсений Ильич. Пускай, пускай. Ведь эти его дела... (*Вдруг растерянно.*) Нет, Андрей, да как же это? Мы ничего не подозревали... Мы думали, напротив. То есть не напротив, а... Ты скажи просто. Ну, потолкуем.

Соня. Конечно, конечно. В сущности, просто. Хочет переезжать, ну и пусть. Свобода прежде всего.

Арсений Ильич. Соня, не замазывай. Я требую, Андрей, слышишь, требую, чтобы ты сейчас сказал, для чего и куда ты переезжаешь.

Андрей. Я не могу.

Арсений Ильич. А тогда я тебя не могу пустить. Это безумие. И знай, я приму свои меры.

Андрей. Какие это меры, позвольте вас спросить?

Арсений Ильич. А это уж мое дело. Я предпочитаю, чтоб тебя заперли сейчас, чем тогда, когда будет уже поздно... Ну, да это все не то... Ты приди в себя. Выслушай, что я тебе скажу. Мы с Наташей думаем, не лучше ли тебе за границу поехать? Кончится забастовка – и поедешь. Что скажешь? А? Ведь совсем развинтился. Поезжай, куда хочешь. Я тебе даю полную свободу. Только займись чем-нибудь. Твоя жизнь впереди. Вот веришь в революцию; так ведь после революции образованные люди еще нужнее будут.

Андрей. Я, за границу? За границу теперь? Папа, да что вы говорите! Теперь, когда каждый человек так дорог, я уеду, как пай-мальчик, науками заниматься? Чтобы родительское сердце успокоить? Хорошо вы меня знаете, нечего сказать... Да, я уеду от вас, конечно уеду, только не за границу.

Арсений Ильич. Что? Что? Ты опять?

Андрей. Я уже сказал вам, и это кончено.

Арсений Ильич. Что ты делаешь, нет, что ты делаешь! *(Плаксиво.)* Андрей, милый, не бросай нас так. Ведь мы же тебя ни в чем не стесняли. Ну разве мы тебя стесняли?

Андрей. Не стесняли? Молчите, пожалуйста. Да вы по рукам и ногам вяжете. Волю убиваете. С вами остаться – на нет сойти. Разговоры, разговоры, легкомыслие невероятное! Рас-терянность, распушенность, яд какой-то подлый. Он сознание темнит, душит волю. Кисляи, сентиментальные болтуны! Трупом от вас пахнет! Я хочу на воздух, на улицу, хочу к тем, кто властно идет на смену вам, беспомощным. Я к сильным хочу – и буду с ними, хотя бы жизнь пришлось отдать. Довольно мне вашей тупой лжи! Не надо! не хочу! довольно.

Соня. Андрей, Андрей, как ты нас оскорбляешь!

Андрей. Не я оскорбляю. Вся русская история, вся история мира вас оскорбляет. Соня, а ты? Как ты можешь мириться? Как ты можешь жить в этой духоте, в этом семейном хлеву? Я думал, ты другая вернешься оттуда, а ты еще покорнее стала. Любовь к Борису тебя сгубила. Все ему прощаешь, то, чего человеку нельзя простить. О счастливом браке мечтаешь! Соня, да разве ты не чувствуешь, что, кто сюда попадает, тому крышка. Кому, чему ты приносишь себя в жертву? Брось их, Соня. Ты ведь не любишь больше Бориса, не можешь ты любить этого своего героя порт-артурского. И не высидеть тебе все равно за семейным чайным столом, где добрые профессора отдыхают с покорными детками после лекций в автономном университете, где только одно желание, как бы все по-хорошему да по старинке. Слышишь, Соня, слышишь?

Арсений Ильич. Соня, не слушай! Хулиганство это. И кто тебя поставил судьей нам? Как ты смеешь судить отца?

Андрей. Этого-то вы и боитесь! Ведь вы даже не на мою правду негодуете, вы дрожите от возмущения, что я, сын, говорю правду отцу! Разве я человек для вас? Я раб, я сын. Но помните! Как человек, говорю я вам человеческую правду в глаза. Как человек, я презираю вас с вашими спокойными кафедрами, с вашими хорошими словами, со всеми вашими семейными добродетелями, со всем вашим благополучным благородством...

Арсений Ильич. Молчать! Вон, вон из моего дома.

Андрей. Я и сам уйду. *(Идет к двери.)*

Наталья Петровна. Андрюша!

Андрей возвращается, молча целует мать и уходит. Долгая пауза. Арсений Ильич беспомощно опускается в кресло. Соня ластится к нему.

Арсений Ильич. Наташа, ведь это ничего? Он вернется? Ну конечно, вернется. Ведь должен же он вернуться? Наташа? Ну что же ты молчишь? Вернется?

Наталья Петровна. Нет, Арсений. Он не вернется.

Занавес.

Действие второе

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.